

РАЗДЕЛ V. ДИСКУССИИ

PART V. DISCUSSIONS

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Обзорная статья

УДК 130.2+316.7+7.096+821.161.1

Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы

Везнер Сергей Иванович¹, Нанжидмаа Хишигдулам², Филиппов Сергей Иванович³, Бегалинова Калимаш Капсамаровна⁴, Овчинников Алексей Алексеевич⁵, Попков Юрий Владимирович⁶, Прошин Владимир Алексеевич⁷, Ульяницкая Любовь Александровна⁸, Ушаков Дмитрий Викторович⁶, Царёв Роман Юрьевич⁹, Изгарская Анна Анатольевна^{6,7}

¹Новосибирский технологический колледж питания, Новосибирск, Россия

²Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

⁴Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

⁵Средняя общеобразовательная школа № 148 Купинского района, Новосибирская область, Россия

⁶Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия

⁷Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

⁸Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

⁹Курганский государственный университет, Курган, Россия

Аннотация. Вебинар был организован отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, кафедрой права и философии Новосибирского государственного педагогического университета и кафедрой романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Участники заслушали и обсудили три доклада. Канд. филол. наук С. И. Везнер выступил с докладом «Лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова “Из Сибири”». Докладчик показал, что в произведении А. П. Чехова присутствует ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций. С. И. Везнер провел анализ способов образования и предложил типологию лингвофилософских смысловых кон-

фигураций. *Н. Хишигдулам* сделала доклад на тему «*О переводе русских фильмов на монгольский язык*». Она описала историю перевода советских/российских фильмов, дала характеристику условиям, влияющим на качество их перевода, и сосредоточилась на трудностях перевода русскоязычных кинокартин на монгольский язык. Канд. филос. наук *С. И. Филиппов* выступил с докладом на тему «*Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания*». На основе теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза он проинтерпретировал работу переводчиков-синхронистов и специалистов последовательного перевода. С. И. Филиппов назвал условия успешных интерактивных ритуалов, показал близость работы переводчика интерактивному ритуалу, указал на факты синхронизации действий переводчика и спикера на вербальном (слова, очередность высказываний), паравербальном (интонация, громкость, темп речи), невербальном (жесты, мимика и т. п.) уровнях.

Ключевые слова: лингвофилософские смысловые конфигурации; человек и жизнь; человек и речь; человек и пространство; человек и природа; человек и искусство; советское/российское кино; перевод фильма; монгольский язык; интерактивный ритуал; работа переводчика синхрониста

Для цитирования: Везнер С. И., Хишигдулам Н., Филиппов С. И., Бегалинова К. К., Овчинников А. А., Попков Ю. В., Прошин В. А., Ульяницкая Л. А., Ушаков Д. В., Царёв Р. Ю., Изгарская А. А. Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 59–91.

Review article

Language and Communication: Meanings and Rituals

Vezner Sergey Ivanovich¹, Khishigdulam Namjidmaa², Filippov Sergey Ivanovich³, Begalinova Kalimash Kapsamarovna⁴, Ovchinnikov Alexey Alekseevich⁵, Popkov Yuri Vladimirovich⁶, Proshin Vladimir Alekseevich⁷, Ulyanitskaya Lyubov Alexandrovna⁸, Ushakov Dmitry Viktorovich⁶, Tsarev Roman Yurievich⁹, Izgarskaya Anna Anatolyevna^{6,7}

¹Novosibirsk Technological College of Nutrition, Novosibirsk, Russia

²Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

³Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

⁴Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

⁵Secondary general education school 148, Kupinsky district, Novosibirsk Region, Russia

⁶Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPL SB RAS), Novosibirsk, Russia

⁷Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

⁸St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanova (Lenina), St. Petersburg, Russia

⁹Kurgan State University, Kurgan, Russia

Abstract. The webinar was organized by employees of the Department of Social and Law Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the teaching staff of the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University and the Department of Romance-Germanic Philology of the Humanitarian Institute of the Novosibirsk State University. Three reports were heard and discussed. Candidate of Philological Sciences S. I. Vezner made a report «The linguistic and philosophical aspect of the cycle of A.P. Chekhov “From Siberia”». The speaker showed that this work of Chekhov has a number of specific linguo-philosophical semantic configurations. S. I. Vezner analyzed the methods of formation and proposed a typology of linguo-philosophical semantic configurations. N. Khishigdulam made a report «On the translation of Russian films into the Mongolian language». She described the history of translation of Soviet/Russian films, characterized the conditions affecting the quality of their translation, and focused on the difficulties of translating Russian-language films into Mongolian. Candidate of Philosophical Sciences S.I. Filippov made a presentation «Interactive rituals in the practice of translation and teaching». He examined the work process of simultaneous and consecutive interpreters based on the theory of interactive rituals by R. Collins. S. I. Filippov outlined the conditions for successful interactive rituals, showed the similarity of the translator’s work to the interactive ritual, pointed to the facts of synchronization of the actions of the translator and the speaker on the verbal (words, sequence of statements), paraverbal (intonation, volume, tempo of speech), non-verbal (gestures, facial expressions etc.) levels.

Keywords: linguo-philosophical semantic configurations; man and life; man and speech; man and space; human and nature; man and art; Soviet/Russian films; translation of the film into Mongolian; interactive ritual; work as a simultaneous interpreter

For citation: Vezner S. I., Khishigdulam N., Filippov S. I., Begalinova K. K., Ovchinnikov A. A., Popkov Y. V., Proshin V. A., Ulyanitskaya L. A., Ushakov D. V., Tsarev R. Y., Izgarskaya A. A. Language and communication: meanings and rituals. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 59–91.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Начинаем работу VIII Всероссийского вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук «Соединяем пространства» с международным участием. Мы успешно провели семь вебинаров, текущее заседание является заключительным в этом учебном году. Вашему вниманию будет предложено три доклада. Первый наш докладчик – канд. филол. наук Сергей Иванович Везнер – выступит с докладом «Лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова “Из Сибири”». Второй доклад, «О переводе русских фильмов на монгольский язык», сделает старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования Нанжидмаа Хишигдулам. Третий докладчик, канд. филос. наук, заместитель директора по общим вопросам Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета Сергей Иванович Филиппов. Тема его доклада звучит следующим образом: «Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания». После каждого выступления, коллеги, задавайте докладчикам вопросы. Передаю слово Сергею Ивановичу Везнеру.

Везнер С. И. Здравствуйте, дорогие коллеги! В своем докладе я попытаюсь раскрыть лингвофилософский аспект цикла путевых заметок А. П. Чехова

«Из Сибири», который, как известно, был написан великим русским писателем в пути и опубликован в 1890 году [1].

Обратите внимание на слайд, я выбрал эту фотографию А. П. Чехова неслучайно (рис. 1).

А.П.ЧЕХОВ «ИЗ СИБИРИ». 1890

Рис. 1. А. П. Чехов (1890 г.)

У нас существует стереотипное представление о А. П. Чехове. Мы чаще всего представляем его как пожилого, осунувшегося человека в очках. Однако на самом деле это не так. В период написания им цикла путевых заметок «Из Сибири» ему было только тридцать лет.

Переходя к основному содержанию доклада, отмечу, русская классическая проза по своей природе философична. Это качество, которое было заложено еще ранней прозой А. С. Пушкина, связано с рефлексией над речевыми прозаическими стереотипами и с дистанцированием от них по модели «Гамлет – бедный Йорик». Довольно давно, в 1998 г., в статье «Мотив бедного Йорика в “Повестях Белкина”» я описывал этот момент [2]. Философичность, на мой взгляд, является характерной чертой произведений и традицией, продолжаемой вслед за А. С. Пушкиным теми, кого принято называть классиками русской литературы XIX в., а именно М. Ю. Лермонтовым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, в том числе и А. П. Чеховым. Эта черта отличает классическую прозу от так называемой беллетристики.

Несколько слов о проблеме, которая меня заинтересовала, когда я читал цикл работ А. П. Чехова, посвященных Сибири и острову Сахалин. А. П. Чехов в тексте часто использует слова с обобщающей семантикой. Прежде всего, это такие слова, как «человек», «жизнь», «природа», «искусство» и др. Например, в самом начале цикла звучат такие оценочные словосочетания, как «ненужный

человек», «нестоящий человек». А. П. Чехов описывает персонажей, которых он встречал на Волге, на Каме. Этим он сразу создает определенный настрой, атмосферу. Автор описывает различные нравы сибиряков и особенности природы, заостряет внимание на том, что для него, как для человека, прожившего длительный период на юге России и в европейской ее части, кажется экзотикой. Опираясь на личный опыт, А. П. Чехов передает нам свои ассоциации, сравнения, сопоставления, он постоянно стремится к предельным обобщениям и воспроизводит философские представления других людей, своих персонажей. Например, А. П. Чехов дожидаясь лодки, проводит сутки в избе Андрея из Красного Яра (местечка, расположенного на левом берегу Оби в Кольванском районе недалеко от Новосибирска), здесь он встречается с неким Петром Петровичем и подробно воспроизводит его философские рассуждения. Прочитав небольшую отрывок:

Петр Петрович рассуждает: *«Человек-то ведь здесь (в Сибири – С. И. Везнер) стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но, гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха или, скажем, комар. Спросите его: для чего он живет?»* [1, с. 20].

А. П. Чехов ему отвечает в обобщенном, философском стиле:

« – Человек работает, сыт, одет, – говорю я. – Что же ему еще нужно?

– Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают!

– Нет, не понимают» [1, с. 20].

Обратите внимание, перед нами здесь предстает местный философ, человек, который задумался о смысле жизни. Мы являемся свидетелями разговора, смысл которого выходит за рамки бытового общения. Меня здесь интересует то, как же конкретно связан авторский язык цикла с философичностью? Как воплощается лингвофилософский аспект в тексте? Должны быть некоторые языковые механизмы воплощения (термин «языковой механизм» мне не кажется удачным, но буду его использовать за неимением другого). Для ответа на эти вопросы используем подход с позиции совместной реализации концептов в тексте, примененный мной ранее при исследовании воспроизведения концептуального отношения в тексте антитеррористической памятки (см. [3]). Основной мой тезис заключается в том, что лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова «Из Сибири» прежде всего связан с совместной реализацией в тексте концептов «человек», «жизнь», «речь», «пространство», «природа», «искусство», в результате чего в тексте образуется ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций.

Под лингвофилософской смысловой конфигурацией будем понимать контекстуальное смысловое объединение слов с предельно обобщающей семантикой. Приведу пример из самого начала цикла путевых заметок:

«Я гляжу на них (на переселенцев, идущих в Сибирь – С. И. Везнер) и думаю: порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, ... может только необыкновенный человек, герой...» [1, с. 6].

Здесь я подчеркнул слова «жизнью, которая кажется ненормальной» и «необыкновенный человек, герой». В данном случае наблюдается конфигурация слов с предельно обобщающей семантикой «жизнь» и «человек». Я задумался, какие могут встречаться типы «сцепления». Данный тип можно назвать «оценочный способ сцепления концептов». С помощью оценочных слов «ненормальной», «необыкновенный», «герой» объединяются концепты «жизнь» и «человек».

В ходе исследования содержания сцепления концептов были выявлены следующие типы лингвофилософских смысловых конфигураций: «Человек и жизнь», «Человек и речь», «Человек и пространство», «Человек и природа», «Человек и искусство».

По способу сцепления концептов были выделены две группы лингвофилософских конфигураций: несмешанные и смешанные. Я их назову, а потом приведу примеры. Несмешанные конфигурации: оценочная, пояснительная, восклицательная, отрицательная, метонимическая/замещающая, сравнительная, метафорическая, олицетворяющая. Смешанные конфигурации: оценочно-пояснительная, сравнительно-пояснительная, олицетворяюще-сравнительная.

Теперь рассмотрим примеры.

1. Тип конфигурации по содержанию «Человек и жизнь», по способу сцепления концептов оценочно-пояснительная конфигурация.

«Въезжаем на паром. Перевозчики, бранясь, берутся за весла. Это не местные крестьяне, а ссыльные, присланные сюда по приговорам обществ за порочную жизнь. В деревне, где они приписаны, им не живется — скучно, пахать землю не умеют или отвыкли, да и не мила чужая земля, и пошли они сюда на перевоз. Лица у них испытые, истасканные, битые. А какие выражения на лицах! Видно, что эти люди, пока плыли сюда на арестантских баржах, скованные попарно наручниками, и пока шли этапом по тракту, ночуя в избах, где их тело невыносимо жгли клопы, одеревенели до мозга костей; а теперь, болтаясь день и ночь в холодной воде и не видя ничего, кроме голых берегов, навсегда утратили всё тепло, какое имели, и осталось у них в жизни только одно: водка, девка, девка, водка... на этом свете они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и на том свете им будет худо: пойдут за грехи в ад» [1, с. 8].

2. Тип конфигурации по содержанию «Человек и речь», по способу сцепления концептов – восклицательная, пояснительная. А. П. Чехов при помощи эвфемизмов описывает, как ругаются ямщики:

«Ямщики ругаются во всё горло, так что их, должно быть, за десять верст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всем, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики, а научились они этому, говорят, у арестантов» [1, с. 10]. Здесь «восклицательная» и «пояснительная» конфигурации объединяются.

3. Тип конфигурации по содержанию «Человек и речь», по способу сцепления концептов – пояснительная конфигурация. Это пример из наблюдений А. П. Чехова над речью, которую он слышал на своем пути.

«Здесь (в Сибири – Везнер С. И.) клопы и тараканы не ползают, а ходят; путешественники не едут, а бегут. Спрашивают: “Куда, ваше благородие, бежишь?” Это значит: “Куда едешь?” ...» [1, с. 11].

«Кричать от боли, плакать, звать на помощь, вообще звать – здесь значит реветь, и потому в Сибири режут не только медведи, но и воробьи и мыши. “Попалась кошке – и ревет”, – говорят про мышь» [1, с. 7]. Как видите, здесь присутствует пояснительная конфигурация.

4. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – отрицательная, метонимическая/замещающая.

«По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы» [1, с. 11–12].

Здесь используется отрицательная конфигурация. Человека и человеческих признаков нет. Используется замещающая конфигурация, а именно: «телеграфные проволоки», «верстовые столбы».

5. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – сравнительная конфигурация.

«Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница — это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать» [1, с. 12].

Здесь сравнивается пространство сибирской избы – «горницы» – с обстановкой изб, которые мог видеть А. П. Чехов в жилищах крестьян европейской части. Курский и московский мужики здесь являются представителями человечества.

6. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – метафорическая конфигурация. А. П. Чехов останавливался на сутки в Красном яре, он имел возможность отлежаться от трудной дороги, поспать.

«В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать» [1, с. 12].

Вроде бы описывает конкретное место, но тут же вывод, обобщение про предпочтения сибиряков.

7. Тип конфигурации по содержанию «Человек и природа», по способу сцепления концептов – олицетворяющая конфигурация. А. П. Чехов рассказывает о том, как он был на перевозе.

«Перевоз здесь держит артель из хозяев-крестьян; среди перевозчиков нет ни одного ссыльного, а всё свои. Народ добрый, ласковый (здесь идет обобщение – Везнер С. И.). Когда я, переплыв реку, взбираюсь на скользкую гору, чтобы выбраться на дорогу, где ждет меня лошадь, вслед мне желают и счастливого пути, и доброго здоровья, и успеха в делах... А Иртыш сердится...» [1, с. 18]. Здесь мы видим объединение человеческого и природного. При этом союз «а» идет как противопоставление, он позволяет автору провести сравнение Иртыша с народом, который в отличие от реки «добрый, ласковый».

8. Тип конфигурации по содержанию «Человек и природа», по способу сцепления концептов олицетворяюще-сравнительная конфигурация.

«...Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам. Проклятое впечатление!» [1, с. 17]. Здесь возникают интересные образы, «стучит» – олицетворение. Над этим примером можно поразмышлять, пример дает много ассоциаций. А. П. Чехов выходит на символические вещи, что может быть отдельной темой.

9. Тип конфигурации по содержанию «Человек, искусство, природа, по способу сцепления концептов – пояснительная, метонимическая/замещающая, отрицательная конфигурации. Это такое расширенное объединение. Вот как А. П. Чехов описывает избу вольного ямщика.

«Но что делать? Спрос на искусство здесь большой, но бог не дает художников. Посмотрите на дверь, на которой нарисовано дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, похожими больше на рыб, чем на птиц; дерево это растет из вазы, и по этой вазе видно, что рисовал его европеец, то есть ссыльный; ссыльный же малевал и круг на потолке и узоры на печке. Немудрая живопись, но здешнему крестьянину и она не под силу. Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев; то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню» [1, с. 12–13]. А. П. Чехов указывает, что рисовал «европеец, то есть ссыльный». В Сибири человек борется с природой и поэтому «Когда уж тут рисовать?». Если мы возьмем эту фразу «Когда уж тут рисовать?», то эта фраза объединяет в себе три концепта – человек, искусство и природа. Далее концепт «жизнь» передается здесь через словосочетание «круглый год», человек «не живописец, не музыкант, не певец» – концепт искусства, отрицательная, поясняющая конфигурация. В данном случае используется также сравнение как способ обобщения.

10. Тип конфигурации по содержанию «Человек, искусство, природа», по способу сцепления концептов – сравнительно-пояснительная конфигурация. А. П. Чехов проехал «Козюльки» – самое трудное место между Томском и Красноярском. Все его пугали ужасной дорогой, и не зря. Проехав «Козюльки», путешественникам пришлось остановиться на ремонт. И вот как А. П. Чехов описывает кузнеца.

«Работал он небрежно, нехотя, и казалось, что железо принимало разнообразные формы помимо его воли; он часто курил, без всякой надобности рылся в куче железного мусора, глядел вверх на небо, когда я торопил его, – так ломаются артисты, когда их просят спеть или прочесть что-нибудь...» [1, с. 36].

А. П. Чехов хорошо знал артистов, он сам находится на пике популярности. Был 1889 год, вышла его одноактная пьеса «Предложение», пьеса была столь популярна, что ее с восторгом смотрит царский двор. На пике популярности А. П. Чехов уезжает из Петербурга на Сахалин. В то время пьеса ставилась в Томске. Известно, что через несколько дней А. П. Чехов приедет в Томск, и в городе будут висеть афиши с его пьесой. В приведенном отрывке сравнительно-пояснительная конфигурация присутствует в сравнении кузнеца, которого он встречает где-то под Красноярском, с артистами, А. П. Чехов поясняет и дает обобщающий вывод. Дальше он о нем пишет:

«За работу получил он от меня пять с полтиной; пять взял себе, а полтинник отдал четверем плотникам. Те сказали спасибо и потащили тарантас к станции, завидуя, вероятно, таланту, который и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах» [1, с. 36]. Мы видим здесь несколько мимоходом брошенную, но тоже сравнительно-пояснительную конфигурацию. Таких обобщений А. П. Чехов делает довольно много.

В заключении я хочу отметить, что лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова «Из Сибири» прежде всего связан с совместным воплощением в тексте концептов философского типа, в результате чего образуется ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций. Можно здесь развивать мысль, но только укажу, что внимание А. П. Чехова к этому аспекту в рассматриваемом тексте, возможно, связано с мировоззренческим поиском автора и с жанровыми особенностями цикла. А. П. Чехов поехал в это путешествие по многим причинам. Биографы теряются в догадках, почему он сорвался с места и поехал. Он готовился три месяца, изучал литературу в библиотеке, сам отправлял в библиотеку своих родственников и друзей, чтобы они собирали ему информацию о Сибири и Сахалине. Он хорошо подготовился, но по письмам понятно, что он готовился к путешествию вокруг Азии. Он его начал из Москвы, далее были Волга, Кама, Урал, Сибирь, Забайкалье, Сахалин (там он был два месяца), Гонконг, он едет через Сингапур в Цейлон, потом через Красное море в порт Саид и в Одессу. Я это отмечаю не потому, что это интересный факт, а потому, что его мировоззрение в этот момент расширялось. Это был настрой человека путешествующего. Известно, что за год до поездки он опубликовал посмертное слово на смерть Н. М. Пржевальского, в котором писал, что обществу необходимы такие подвижники, они как Солнце [4]. Что касается темы нашего вебинара, а именно проблемы ритуалов в коммуникации, то здесь еще можно порассуждать о том, как связаны названные мной лингвофилософские моменты с жанром. Жанр – тоже определенный ритуал. И в записках о Сибири А. П. Чехова прослеживаются черты других жанров, другое ритуальное поведение. В частности, там, где упоминается Иртыш, стучащий по гробам, возникает тема ада, это такое путешествие в ад, здесь вспоминается и «Божественная

комедия» Данте, и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, путешествующий Чичиков. Однако это тема другого доклада.

Спасибо за внимание, коллеги!

Овчинников А. А. Сергей Иванович, спасибо за очень интересный доклад. Было интересно узнать о восприятии А. П. Чеховым Сибири и сибиряков. Хочу спросить, как Вам книга Владимира Платоновича Вощинина «На сибирском просторе»? В. П. Вошинин – российский/советский ученый. В 1910 г. он посетил Томскую область, юго-запад Сибири, многие идеи его книги хорошо переключаются с тем, что Вы рассказывали об А. П. Чехове. Если позволите, я зачитаю небольшой фрагмент, который заинтересует Вас и наших коллег. В. П. Вошинин пишет: «Для меня все здесь ново, и все интересно. И несообразное, с точки зрения европейского обывателя, ширина главных улиц, двухэтажные избы с “чистой половиной”, убранной так, как у сельского батюшки – с граммофоном, картинами, и сами люди – такие мощные, умные, свободные в обращении. Здесь еще их деды осели, и теперешнее поколение вполне усвоило чисто сибирскую самостоятельность и широкие замашки» [5, с. 27–28].

Везнер С. И. Согласен, переключка действительно ощущается. У меня времени для доклада было мало, многие примеры из текста А. П. Чехова не мог привести. У него, например, есть наблюдение о том, что сибирский мужик живет лучше, чем мужик юга России. Он описывает еду, сравнивает, как хлеб пекут, как охотятся в России и Сибири.

Овчинников А. А. В. П. Вошинин еще подчеркивает великолепное качество местного сибирского масла, потому что привезенные из европейской части коровы получили доступ к уникальному сибирскому разнотравью. Советую всем коллеги эту книгу, очень интересные свидетельства. Спасибо, Сергей Иванович, за доклад.

Попков Ю. В. Сергей Иванович, тоже хочу выразить Вам благодарность за интересный доклад. Что бы Вы мне ответили, если бы я сказал, что Вы провели лингвокультурологический анализ наследия А. П. Чехова?

Везнер С. И. Я с вами согласен. А. П. Чехов проявляет себя в Сибири как носитель определенной культуры, у него свой круг культурных ассоциаций. Читаем его описание Иртыша, возникает аналогия с путешествием в ад Данте, это объясняется тем, что А. П. Чехов читал «Божественную комедию». Ощущается влияние греческой культуры, например, Харон, путь через реку. Для А. П. Чехова характерно противопоставление местного мира и цивилизации. Ему не хватает цивилизации. Например, он описывает ссыльных, которые читают «завалющую книжку, вроде “Болезни воли” Рибо» [1, с. 26]. Еще хочу отметить, что А. П. Чехов ищет новую культуру. Он уехал из Москвы в пик своей популярности. В январе ему только исполнилось 30 лет, в апреле он уже уехал. Он написал в одном из писем: «Мне 30 лет, какая наглость». Тут аналогии невольно возникают. Тридцать лет – возраст Гамлета. Еще он постоянно проводит культурологические сравнения, делает этнографические сопоставления. Например, в письмах он описывает одного поляка, который уехал из Сибири в Польшу, а потом вернулся, потому что в Сибири ему луч-

ше. Описывая евреев, он отмечает, что они в Сибири уже никакие не евреи, а такие же крестьяне, уху прекрасно готовят. А. П. Чехов описывает, какие замечательные сибирские татары. Делая этнографические наблюдения, он приходит к выводу, что многие стереотипы в Сибири не работают. Складывается впечатление, что он находится в поиске культуры, для этого ему нужна была дистанция от культуры европейской части России. Он видит, что многое повторяется. С другой стороны, он высоко ценит цивилизацию. Дальше он описывает Японию, Китай. Например, отмечает, что в Гонконге англичане создали музей, а китайцы его сохранили.

Думаю, что, размышляя, в тексте можно найти много интересного. Например, интересно то, как он открывает для себя новое. Так он воспринимает сибирскую весну, май, а лед еще не сошел. А. П. Чехов вспоминает и сравнивает весну, которая там, дома. Он пишет, как только начал вспоминать Россию, так сразу почему-то вспомнилась жизнь «серая, вялая, бесполезная». Через несколько дней А. П. Чехов оказывается на Енисее. И тут оказывается, что Енисей, его берега – верх красоты! Он впечатлен и уверен, что в будущем берега Енисея будут «неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов» [1, с. 33]. Глядя на берега Енисея, он пишет: хочется думать, что впереди нас ждет жизнь «полная, умная и смелая» [1, с. 33].

Бегалинова К. К. Спасибо, Сергей Иванович, за познавательную лекцию! Я узнала много нового о А. П. Чехове как путешественнике. У меня два вопроса. Первый вопрос. О Сибири писал Ф. М. Достоевский, в «Записках из мертвого дома» он дает описание жизни не только ссыльных, но и горожан. Был ли знаком А. П. Чехов с этим произведением Ф. М. Достоевского? Если мне память не изменяет, оно было опубликовано еще в 1860-е годы. И второй вопрос, в самом начале Вы отметили, что русская проза философична, согласна с Вами полностью. В чем Вы видите особенность философичности прозы А. П. Чехова? В чем ее отличие, например, от прозы Ф. М. Достоевского в отношении Сибири?

Везнер С. И. Спасибо за интересный вопрос! А. П. Чехов читал произведения Ф. М. Достоевского. Он заинтересовался каторгой и каторжанами Сахалина, я думаю, не без влияния Ф. М. Достоевского. Интересный факт, когда в январе 1890 года в обществе узнали, что А. П. Чехов собирается путешествовать, то некоторые писатели его упрекали в том, что он хочет подражать Ф. М. Достоевскому: «Тоже поперся на каторгу, зачем?». Однако у А. П. Чехова обнаружили и защитники. В частности, актер П. М. Свободин. Он заступался за А. П. Чехова, объясняя своим знакомым, что на каторге разные люди есть, а не только преступники. Следует отметить, что 1890 год был очень интересным. В 1889 году проходила Всемирная выставка в Париже. Друг А. П. Чехова – художник И. И. Левитан – был в это время в Париже, они обмениваются письмами. Что касается отличия философичности его прозы в сравнении с «Записками из мертвого дома» Ф. М. Достоевского, то, мне кажется, А. П. Чехов смотрел, скажем, используя современную терминологию, более глобально. Ф. М. Достоевский больше искал сущностные черты русского характера, его интересуют социальные человеческие типы. Ф. М. Достоевский ощутил какую-то невероятную степень челове-

ческого трагизма. Его трагические романы появляются в результате такого познания человека и русского характера. Что объединяет Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова? Они побывали где-то в аду, в чистилище, потом в раю. Они оба в результате путешествия, невольного для Ф. М. Достоевского и вольного для А. П. Чехова, меняют свое мировоззрение. Менялся взгляд и на человека, и на мир. Происходила переоценка жизни. А. П. Чехов после поездки приходит к выводу, что нельзя руководствоваться стереотипами, ярлыками. Это видно в повести «Дуэль», написанной после поездки. Его творчество часто разбивают на два этапа «до Сибири» и «после».

Филиппов С. И. Спасибо за интересный доклад! Насколько я понял, А. П. Чехов описывает путешествие по Сибири как некоторое инобытие, как негативное. Например, тараканы ходят и бегают, в быту люди используют нечеловеческую ругань. Присутствует ли какое-то направление в этом путешествии или это в первую очередь преодоление пространства? Если направление есть, то какое оно? Вряд ли это направление «вверх».

Везнер С. И. Вопрос очень интересный. Действительно движение происходит. Во-первых, для А. П. Чехова, прежде всего, было важно движение вперед. Есть направление и «назад», и «вперед». В частности, будучи под Новосибирском в Красном Яре, А. П. Чехов наблюдает в избе дурачка, который мычал: «Бе-ба, ме-ма». И вот дурачок смотрит на А. П. Чехова, а Чехов смотрит на дурачка и описывает это примерно следующим образом: «...глядя на его мокрое лицо и немигающие глаза и слушая его голос, скоро сам начнешь бредить» [1, с. 19]. Или еще: А. П. Чехов вспоминает свою прежнюю жизнь в России, которая тогда воспринималась отдельно от Сибири, и он не хочет возвращаться, потому что там, в России тоже вот такое «Бе-ба, ме-ма» есть. Обобщенно символический прием использует. А. П. Чехов выходит на символические вещи, «Чехов и символизм» – это отдельная тема, тема перехода от символизма к реализму. Только здесь отмечу один важный момент: видимо, именно в Сибири А. П. Чехов почувствовал новый путь своего искусства в направлении символизма, который тогда уже набирал силу в Европе и постепенно проникал в Россию.

А. П. Чехов движется постоянно вперед, так, например, он требует лодку, ему надо ехать на другой берег, но лодки нет, ее забрал заседатель по бюрократическим нуждам. Что касается направлений «вверх» и «вниз». Тема движения «вниз» очень важна для Чехова. И в прямом, и в переносном смысле. Он описывает падших людей, например, изображает падшими ссыльных. Движение «вверх» тоже появляется. Так, когда он получил лодку, то говорит: «Слава небесам!». Или А. П. Чехов видит крутой, высокий берег Енисея, он восхищается им, и здесь возникает движение «вверх». Однако главенствует движение «вперед – назад». Движение «вперед» для него символическое, и может даже в большей степени ему важно не вернуться назад. Потому что движение «вперед» – это не просто уехать из России, а еще и уехать от прежнего своего искусства.

Царёв Р. Ю. Сергей Иванович, скажите, пожалуйста, не занимались ли Вы сравнительным сопоставлением чеховских впечатлений с впечатлениями

И. А. Гончарова о Сибири в произведении «Фрегат “Паллада”» [6]? Оно, как известно, заканчивается описанием путешествия по Сибири.

Везнер С. И. Пока не проводил такого сопоставления, но идея интересная. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова, судя по описанному, одна из причин, побудивших А. П. Чехова поехать в путешествие. Д. Т. Капустин, исследователь путешествия Чехова, пишет, что у Гончарова Чехов встретил «Великую максиму»: «Как прекрасна жизнь... и потому, что человек может путешествовать» [7]. С этой фразой А. П. Чехова знакомит актер П. М. Свободин, судя по его письмам к писателю. А. П. Чехов, по свидетельству Д. Т. Капустина, любил путешествовать. И. А. Гончаров – предшественник А. П. Чехова. Он начал писать роман «Обломов», но бросил писательство и отправился в путешествие на фрегате «Паллада». У И. А. Гончарова был путь через Британию, это другой путь. Любопытно будет сопоставить впечатления о Сибири этих двух великих русских писателей. Сейчас без подготовки трудно сделать вывод относительно того, насколько философичным будет взгляд на Сибирь у И. А. Гончарова. Он был большим, чем А. П. Чехов, домоседом. Это важное, на мой взгляд, деление – странник и домосед. А. П. Чехов любил читать о путешествиях. У них дома была библиотека, он увлекался чтением Жюль Верна, обсуждал прочитанное с братом. У нас под влиянием школы и университетов сложился совершенно иной образ А. П. Чехова – морализирующий старикан в пенсне. Мне кажется, что его сестра хотела закрепить такой образ А. П. Чехова в памяти людей. Спасибо, Роман Юрьевич, за предложение провести исследование в таком аспекте.

Изгарская А. А. Сергей Иванович, спасибо за интересный доклад. Теперь мы предоставляем слово следующему докладчику. Старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования госпожа Нанджидмаа Хишигдулам сделает доклад о переводе русских фильмов на монгольский язык. Сегодня я узнала, что госпожа Н. Хишигдулам перевела на монгольский язык фильм, который мы очень хорошо знаем и любим, «Мимино». Она делает наши культуры ближе.

Хишигдулам Н. Коллеги, здравствуйте! Очень приятно выступить перед вами с докладом об истории и проблемах перевода российских фильмов на монгольский язык.

Немногие знают, что в теории перевода такого понятия, как «киноперевод», не существует. Однако в последнее время и в Монголии, и в мире стали много говорить именно о кинопереводе. Вероятно, это связано с тем, что люди стали меньше читать и предпочитают смотреть фильмы.

Перевод художественного фильма ничем не должен отличаться от перевода литературы. Есть разные жанры фильмов, например, документальные, художественные, мультфильмы, детские художественные фильмы и др. Художественные фильмы делятся на жанры, например, такие как трагедия, комедия, ужасы. При этом может сложиться ложное представление о том, что документальный фильм переводить сложнее, чем, например, детские картины или мультфильмы [8]. Такое представление складывается из-за того, что

в документальных фильмах идет речь об истории, науке, технике, о том, что мы воспринимаем как нечто серьезное и сложное. Под переводом же детских и мультипликационных фильмов подразумевается только перевод сказок и стихов для детей, и это воспринимается как легкая работа. Такое представление является в корне ложным. Часто именно перевод детского фильма и стихотворения оказывается проблематичным. Более того, не всегда удается найти переводчика, который может сразу ухватить смысл и быстро соединить картинку мультфильма со словом. Х. Мэргэн приводит следующий пример. Навероятно сложно перевести, казалось бы, простенькое начало стихотворения К. Чуковского «Муха-цокотуха».

«Муха, мука-цокотуха,
Позолоченное брюхо,
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла» [9].

Причина кажущейся легкости заключается не только в обыденном представлении о переводе фильма, как простом написании нескольких распространенных фраз: «Здравствуйте», «До свидания», «Я люблю тебя», «Стой! Буду стрелять!». Здесь нельзя снимать вину с переводчиков. Переводчики порой легкомысленно относятся к своей работе, делают низкосортные переводы, в результате зритель думает, что работа переводчика не так уж и сложна.

В Монголии сегодня 78 телевизионных каналов. По ним транслируют 20–30 русских фильмов в неделю с монгольским переводом. За этим стоит большая работа переводчиков, редакторов переводов, актеров озвучки и звукорежиссеров.

История переводов русских фильмов на монгольский язык начинается с 1940-х годов. Одним из первых переведенных и дублированных фильмов стал фильм «Радуга» (1943 г.) по сценарию Ванды Василевской. Это фильм о советской женщине, которая погибла, мужественно сражалась с немецкими оккупантами. Фильм был переведен г-ом Б. Ринченом, который является великим переводчиком и писателем. В фильме есть сцена, где немецкий солдат входит в русский дом и просит молока: «Млеко, млеко». Слово «молоко» переводится на монгольский «суу», но на западно-монгольском диалекте оно звучит как «усуу», г-н Б. Ринчен это требование перевел как «Усуу, усуу», и многие кинокритики говорят, что это пример умелого использования сравнения [9].

Советское искусство и культура особенно массово проникают в Монголию в 1960-е и в 1970-е гг., и на переднем крае был кинематограф. В это время в монгольской киноиндустрии усилиями г-на Гомбо было создано специальное подразделение по переводу и озвучиванию фильмов. К переводческой работе были привлечены монгольские переводчики. Здесь можно назвать имена многих известных писателей и переводчиков, таких как Б. Ринчен, Ч. Чимид, Б. Явуухулан, Э. Оюун, Ж. Бадраа, Ц. Сугар, Б. Дашцэрэн, Г. Аким. Именно они

перевели такие старые фильмы, как «Девушка из Киева», «Судьба человека», «Мертвые и живые», «Отец солдата», «Сережа», «Гусарская баллада», «Армия “Трясогузки” снова в бою».

Было бы существенным упущением не отметить заслуги г-на Ж. Бадраа, который работал редактором в художественном отделе. При переводе фильмов он большое внимание уделял чистоте монгольского языка. Это нашло отражение в фильмах «Чапаев» и «Штрафной батальон», которые он монтировал.

В советское время требования к переводу были высокие, работа финансировалась государством, перевод делали качественно, был интерес к переводу и его делали высококлассные специалисты. Например, перевод фильма «Служебный роман» был сделан писателем и переводчиком С. Оюун. Его перевод и сегодня высоко оценивают как зрители, так и актеры озвучки. Название фильма на монгольском звучит как «Вот такое происшествие» («Ийм нэгэн явдал»).

С начала 1970-х гг. получило развитие телевидение. В Монголии стали переводить телевизионные фильмы. Они были без субтитров. Перед показом ведущий коротко говорил о сути фильма. Если была сцена, в которой влюбленная пара целуется, то зрителей предупреждали: «Рекомендуется не показывать это маленьким детям». После предупреждения продолжал звучать перевод. Переводчики также участвовали в переводе монтажных листов фильма. Были переведены и представлены зрителю сотни советских, польских, немецких, болгарских, чехословацких, венгерских, корейских фильмов, сотни художественных, документальных и анимационных кинолент. В кинофонде перевода кинопрограмм монгольского телевидения содержатся работы почти всех известных монгольских переводчиков, таких как П. Чойжил, Г. Аким, Б. Дашцэрэн.

Редакторы перевода очень ответственно подходили к решению задачи, которая возникает как следствие одной из главных особенностей киноперевода – синхронности. Перевод должен идеально вписываться в уста киногероя. А если учесть, что звучание перевода, сделанного с русского на монгольский язык, имеет тенденцию быть немного длиннее, то понятно, что работа редактора была не из легких. Настоящим мастером этой работы был Осохбаяр. Его сменила переводчик Б. Нарантуяа. Они были профессионалами очень высокого уровня и с честью могли выполнять свою работу. Они хорошо знали русский язык и хорошо владели монгольским языком. Надо подчеркнуть, что все, кто работал с иностранными фильмами, были настоящими профессионалами, это и актерский состав, и режиссер, поэтому переводы сделаны качественно. К сожалению, «рыночная буря» закрыла киноиндустрию, в том числе был закрыт созданный в советское время отдел переводов.

Сегодня можно выделить несколько факторов, которые влияют на качество перевода телевизионного фильма. Во-первых, недостаток человеческих ресурсов для работы с переводом. Например, иногда монтаж фильма делает всего один человек. Во-вторых, из-за отсутствия финансирования оплата тру-

да переводчика низкая, что не способствует привлечению высококлассных профессионалов. В-третьих, рыночные условия диктуют принцип «Время – деньги», поэтому сжатые сроки подготовки перевода фильма сказываются на качестве перевода. В-четвертых, экономия средств ведет к сокращению количества актеров озвучки, только один или два дублера читают перевод напрямую. Все эти факторы сегодня влияют на качество перевода. Нередко качество перевода телевизионных фильмов подвергается критике. Ошибки перевода часто воспринимаются как анекдоты. Например, «хладнокровный убийца» может быть переведен как «убийца с каменным сердцем».

Несмотря на сложные условия работы и сегодня есть много примеров грамотных, хороших переводов. Так, известный монгольский кинопереводчик Д. Ким сам переводил и дублировал польский драматический сериал «Четыре танкиста и собака» и фильм «Дела важнее жизни».

Необходимо подчеркнуть, что при любом переводе появляется множество понятий, выражений, терминов, метафор, глубоко связанных с культурой, с историей и географией зарубежной страны. В области естественных наук очень много специальных терминов. Переводчик должен знать основы этих наук. Он должен особенно хорошо знать культурное, социальное происхождение и феномен автора переводимого произведения, должен знать различные контексты языка, культуры, общества и мышления людей, переводчик должен быть страноведом. В противном случае неправильное понимание приведет к неправильному переводу и потере смысла.

Основное требование для перевода заключается в том, чтобы текст оригинала и текст перевода были эквивалентны по смыслу, по структуре. Переводчик стремится, чтобы значение исходного текста было максимально точно передано в переведенном тексте, а воздействие языка переводчика на зрителя было максимально похоже на воздействие оригинала на аудиторию [10].

Теперь рассмотрим некоторые особенности перевода русского языка на монгольский язык, которые часто создают существенные трудности.

В монгольском языке наблюдается склонность к действию, а в русском – к именованию. В отличие от русскоговорящего человека, монгол, например, не скажет «У меня сильная головная боль» или «Он сказал, что у него сильная головная боль». Монгол скажет: «Вчера у меня очень сильно болела голова».

Переводчик Чойжил вспоминал случай из своей жизни: «Я монтировал фильм, и меня поразила в тексте перевода следующая фраза: “Авраам Линкольн уничтожил рабов”. Что это значит? Я был немало удивлен. На самом же деле Линкольн не уничтожал рабов, он считал, что рабство должно быть уничтожено... Человек, который переводил, не знал такой элементарной вещи. Не хвастайтесь знанием иностранного языка» [11].

Далее, в русском языке есть обычай обращаться к служащим по их месту. Например, в одном фильме герой говорит «В милиции дали адрес», что дословно на монгольский переводится как «Сэргийлэхэд хаягийг нь өгсөн юм», это звучит как «Адрес дали для предотвращения». На самом деле это означает «Адрес дали люди милиции».

Язык – штука тонкая, поэтому не всегда удастся грамотно передать смысл без знания языковой специфики, включая интонацию. Например: в одном фильме герой говорит «Это надо же так пить!». Фраза была переведена следующим образом: «Если ты пьешь алкоголь, ты должен пить его так!». Переводчик должен был обратить внимание не только на структуру, но и на интонацию.

Согласно грамматике монгольского языка, суффиксы «хэн», «хан», «хон», придающие слову нежный оттенок, добавляются только к прилагательным (например, хонгорхон, улаахан, цагаахан). И это эквивалентно уменьшительно-ласкательному суффиксу в русском языке. А в последнее время наблюдается тенденция добавлять его к существительным, что является грубой грамматической ошибкой. Например, «хотхон» (городок) и «гацуурхан» (рождественская елочка). Так, слово «Дюймовочка» переведено как «ямагхан охин». Если сказать эти слова быстро, то вместо Дюймовочки речь будет идти о проститутке. Но это же герой детской сказки. Есть примеры красивого перевода имен сказочных героев. Например, монгольские переводчики очень красиво перевели фамилию главного героя книги Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» – Мянгуужин. Красиво было переведено также имя Золушки – үнсгэлжин. Эти варианты перевода закрепились в монгольском языке.

Следующая особенность русского языка – частое использование множественного числа. Знаменитый монгольский лингвист переводчик г-н Чой Лувсанджав учил: «Если много множественного числа, то это плохой перевод». Есть много красивых примеров. Русская фраза «Слезы текли по щекам» легко переводится дословно на некоторые индоевропейский языки, включая английский. Однако, когда мы переводим эту фразу на монгольский, мы изменяем множественное число на единственное, и в результате получается «Слеза текла по щеке». Именно так данная фраза будет правильно звучать на монгольском языке. В одном фильме главная героиня говорит: «Я не люблю розы, я люблю лилии и хризантемы». На монгольском языке правильной будет фраза «Я не люблю розу, а люблю лилию и хризантему».

Далее, в русском языке много отрицательных форм. В монгольском языке они используются гораздо реже. Например, герой фильма «Невский» Паша Семёнов говорит: «Эта мысль не покидает меня». На монгольском языке отрицание в данном случае будет звучать не очень грамотно, поэтому лучше сказать: «Эта мысль застряла у меня в голове». Еще пример. Герой фильма говорит: «У меня не было недели, чтобы я не положил деньги на свой сберегательный счет». Здесь присутствуют два отрицания. Оба эти отрицания должны быть превращены в положительные при переводе на монгольский язык. На монгольском гораздо понятнее это прозвучит так: «Раньше я клал деньги на свой сберегательный счет каждую неделю».

Следующая особенность русского языка. Русские часто называют друг друга по имени, при этом могут несколько раз произносить имя того человека, к кому обращаются. Например, Андрей Михайлов обращается к Паше Семенову и говорит: «Паша, ты меня слышишь? Я с кем разговариваю? Паш, а Паш, я твой

начальник». Эта фраза была переведена точно так, как сказано в оригинале, но если бы переводчик использовал слово «хөөе» в монгольском варианте, то это сделало бы перевод более аутентичным.

Теперь рассмотрим *системные различия между исходным языком и целевым языком*. Под языковой системой можно понимать модель создания языка путем объединения единиц разных уровней, таких как фонетика, лексикология, синтаксис, словообразование, их взаимосвязей, а также элементов одного уровня и разных уровней. Что же касается монгольского языка, то он отличается от английского, немецкого, русского, французского, корейского, китайского и японского языков по всем вышеперечисленным уровням и является языком другой системы с точки зрения структуры и класса. Поэтому при переводе исходного текста с иностранного языка на родной язык (или с родного языка на указанные иностранные языки) у монгольского переводчика могут возникнуть трудности из-за системных различий между исходным языком и языком перевода. Например, известная картина кинокомпании «Мосфильм» «Самая обаятельная и привлекательная» переводится как «Я самая красивая и очаровательная девушка». Система русского языка может различать мужской и женский род существительных. Но в системе монгольского языка такой возможности нет. Поэтому добавление в данном случае слова «девушка» – правильное решение.

Различия в уровне использования языка. «Usus» в переводе с латыни означает «использовать», «войти в привычку». Слова, словосочетания и предложения переведенного текста могут на первый взгляд не нарушать нормы языковой системы. Например, фраза «Ах, черт!» может быть дословным переводом русского восклицания. Этот перевод не нарушает языковых норм, потому что в монгольском языке есть такие диалекты, как Аа Золыг, Аа Монди и Аа Барам. Однако в монгольском есть много слов, обозначающих «чёрт», но с разными акцентами и разными звуками, которые используются по-разному, например, в зависимости от условий, причин и от того, кто это говорит. Например, «Эх харла», «Эх балар», «Эх чаваас» и т. д. Поэтому для правильного решения этой задачи должны быть учтены следующие условия: ситуация, в которой произносится слово; образование человека, принадлежность его к определенному социальному классу; контекст, в котором слово сказано.

Проблемы, связанные с культурными и этническими различиями. Каждый народ имеет свои особенности в культуре, хозяйстве, географии, обычаях, традициях и т. д. Кино отражает эти характеристики. Автор текста предполагает, что его читатели имеют некоторую информацию о том предмете, о котором он пишет. Однако если у читателей нет этой базовой информации, они не смогут понять написанное в той мере, в какой представлял себе автор, и, таким образом, отношения между автором и читателем не состоятся. Как правило, такая базовая информация недоступна для неподготовленного читателя перевода. Например, в комедии «Бриллиантовая рука» герои фильма сидят в ресторане и один из них, прощаясь, говорит: «Ну, будете у нас на Колыме – милости просим!». Главный герой, преступник Геннадий Козодоев, которого играет

А. Миронов, отвечает: «Нет, уж лучше вы к нам!». Юмор, содержащийся в ответе, невозможно понять, если не знать, что советская Колыма являлась местом ссылки и заключения периода политических репрессий (с 1930-х по 1954 г.). Поэтому когда первый герой радушно приглашает своих знакомых к себе домой, а дом его расположен на Колыме, то в ответе Г. Козодоева, опасавшегося «попасть за решётку», смысл как бы удваивается.

Из-за незнания орфографии, своеобразной структуры исходного языка, особенностей мышления людей многие вещи переводятся дословно и с неверным смыслом. Словосочетание «Млечный путь» по-английски называется «Milky Way». Буквально в этих двух языках он воспринимается как «молочная дорога», а для монгольского менталитета означает «лить молоко, пока оно не станет дорогой». Многие не понимают значения слова «небо», когда его буквально называют «Небесная граница» или «Грань Неба». В российском сериале «Не родись красивой», который транслировался на канале ТВ-9, есть строчка «...иди в рай и достигни Млечного пути...». Сколько монгольских зрителей поняли, что это речь идет о «Млечном пути»? Скорее всего мало, так как в переводе присутствовала «молочная дорога». Еще русские могут спросить у водителя, ведущего быстро свой автобус по бездорожью: «Картошку везешь что ли?». Монголы спросят: «Мясо везешь?». Чтобы перевести эту фразу на монгольский язык и сделать ее понятной для монгола, нам придется заменить русское слово «картошка» на слово «мясо». Дословный перевод фразы «После дождика в четверг» ни один монгол не смог бы понять. Поэтому фразу, передающую мысль о том, что ожидаемое никогда не сбудется, надо перевести на монгольский язык «Когда солнце встанет с запада».

Далее, русские обращаются к своим близким, используя местоимение «ты» (по-монгольски «чи»), а при обращении к отцу, матери, брату или сестре оно переводится как «Та». Английское «you» («вы») также должно присваиваться и переводиться в зависимости от того, к кому обращаются.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы. В современных условиях развития международных отношений существует потребность в качественном переводе и правильном использовании терминов из различных областей науки и жизни. Перевод книг и фильмов человеком, который не имеет необходимой квалификации, часто становится одной из основных причин снижения качества перевода и межкультурных контактов. Работа переводчика не должна выполняться любителем, который занимается переводческой деятельностью как хобби, эту сложную работу должен выполнять «краевед», знающий страну детально, только тогда читатель или зритель не упустит идеи, заложенные автором в произведение.

Теперь проведем анализ названий восьми случайно выбранных фильмов, с целью определения стратегии их перевода (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии при переводе названий фильмов

№	Название фильма в оригинале	Дословный перевод	Официальный период	Метод перевода
1	«Гусарская баллада»	«Торгон цэргийн дууль»	«Торгон цэргийн дууль»	Дословный
2	«Судьба человека»	«Хүний хувь заяа»	«Хүний хувь заяа»	Дословный
3	«Кавказская пленница»	«Кавказын олзлогдогч»	«Кавказад болсон явдал» («Приключения на Кавказе»)	Трансформация
4	«Служебный роман»	«Ажил дээрх хайр дурлал»	«Ийм нэгэн явдал» («Вот такое происшествие»)	Замена
5	«Брильянтовая рука»	«Очир эрдэнийн гар»	«Эрдэнэ нуусан гар» (Рука, где скрыто сокровище»)	Трансформация
6	«Ну, погоди!»	«Хүлээж бай»	«Чамайг даа» («Ну, смотри!»)	Замена
7	«Сказка о рыбаке и рыбке»	«Загас ба загасчин хоёрын үлгэр»	«Алтан загасны үлгэр» («Сказка о золотой рыбке»)	Трансформация
8	«Вам и не снилось»	«Чамд зүүдлэгдээчгүй»	«Зүүдэнд ч оромгүй явдал» («Невообразимое происшествие»)	Трансформация

Большинство фильмов имеют названия, не несущие в себе дословный перевод. Переводчики используют более интригующие названия с целью точно передать содержание фильма, а также привлечения аудитории. Не всякое название русского фильма можно перевести на монгольский язык без смысловых потерь. Не всякий перевод, удачный с точки зрения языка, годится для продвижения фильма на монгольском рынке. Существуют примеры, когда искажение смысла названия трудно объяснить. Для того чтобы провести анализ подобных случаев, рассмотрим названия фильмов, при переводе которых переводчики использовали стратегию замены.

Перевод фильма и доведение его до широких масс можно сравнить с ткачеством шелка. Например, название «Москва слезам не верит» переведено как «Жизнь не любит слёзы», так как в фильме происходит событие, которое может произойти где угодно в жизни любого человека, а не только в Москве. По этой причине Москва была заменена словом «жизнь».

Название фильма «А зори здесь тихие...» было переведено как «Когда долг принят». Такой вариант перевода понятен монгольскому зрителю и делает акцент на патриотичность.

В переводе фильма «Варвара краса длинная коса», прозвучавшего как «Утр уст уран гоо Варвара», или «Длинноволосая красавица Варвара», монгольская аудитория почувствовала такое же мелодичное название как в оригинале.

Название фильма «Вокзал для двоих», переводящееся как «Буудалд учирсан хоёр», или «Двое познакомились в отеле», наверняка заинтриговало монгольских зрителей в социалистическое время.

Название фильма «Любовь и голуби» было переведено дважды. Сначала название имело дословный перевод, а в 2017 году Национальное телевидение показало его с новым, более лирическим названием «Душа влюбленного и чистый голубь».

Три неординарных перевода названия имеет название фильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром» – «Хувь заяаны ээдрээ», «Хувь тавилангийн ээдрээ», «Хувь заяаны хэлхээ», если их перевести на русский язык, то они будут звучать как «Запутанность судьбы», «Запутывание судьбы», «Цепь судьбы». У некоторых людей эти названия вызывают интерес, у других же – недоумение. Причем во всех трех случаях часть названия «... с лёгким паром» не была переведена вовсе.

Вышедший в прокат фильм, с оригинальным названием «Мурка», был переведен как «Мужай» что означает «Кошка», хотя «Мурка» – название дворовой песни и к кошке не имеет никакого отношения.

На канале ТВ 25 был показан российский фильм «Березка» и его название было переведено как «Хусхан». Однако «Хусхан» – это фильм о всемирно известном ансамбле «Березка». Переводчик, похоже, не знает о том, что имена собственные не переводятся. Однако он наверняка знал, что добавление к существительному суффикса «-ка» придаст слову уменьшительно-ласкательное значение. Поэтому он перевел как «Хусхан», а не «Хус».

Фильм «Кровавая барыня» был показан по телевидению с названием «Салтычиха», которое является для монгольского зрителя менее понятным, чем интригующий дословный перевод «Цуст авгай».

Коммерческий перевод является более интересным и интригующим, нежели дословный, но не всегда отражает суть фильма и задумку автора. Стратегия замены позволяет перевести название фильма более привлекательно для аудитории, но часто полученное название не отражает сюжет фильма и задумку автора картины.

Делая вывод, хочу подчеркнуть, что в наше время перевод становится работой, которую должен выполнять «краевед», специалист, знающий не только лексику и грамматику, но и страну в целом.

Спасибо всем за внимание!

Ульяницкая Л. А. Здравствуйте, Н. Хишигдулам! Мы с Вами коллеги, я тоже занимаюсь переводами, только работаю с другими языками. Мне очень понравились примеры, которые Вы подобрали в качестве иллюстрации трудностей

перевода. Спасибо Вам большое! Я слушала Вас и вспомнила случай из своей практики работы со студентами. Мы смотрели французский перевод фильма «Москва слезам не верит». Одна из героинь фильма говорит: «Мы идем сегодня в концерт». А героиня, которую играет Ирина Муравьева, ей отвечает: «Эх, ты! Уже год живешь в Москве, а до сих пор говоришь “в концерт”». Французы не поняли и перевели: «Ты уже год живешь в Москве и все еще идешь в концерт, занялась бы лучше чем-то более интересным». А вопросы у меня следующие, во-первых, как Вам кажется можно ли считать переводческой неудачей, коммуникативным провалом, культурным несоответствием, если при переводе фильма не сохранена игра слов, или какую-то локализация характерная для языка оригинала? Страшно это или нет? Это первый вопрос.

Хишигдулам Н. Очень страшно. У нас в Монголии есть много людей, которые очень хорошо владеют русским языком, и они часто критикуют появляющиеся скороспелые переводы. Многие предпочитают смотреть русскоязычные фильмы без перевода. Я приведу Вам пример. Слово «проститутка» было переведено на монгольский язык как фраза «Простите, утка».

Ульяницкая Л. А. Спасибо, уважаемая Н. Хишигдулам! Следующий вопрос более лингвистический. Вы привели как пример перевода названия с использованием окончаний рода в названии фильма «Самая обаятельная и привлекательная», Вы сказали, что правильный перевод «Я самая красивая и очаровательная девушка», а какие еще другие грамматические, типологические особенности русского языка не позволяли сделать дословный перевод? И какие трудности возникают с переводом названий, локальностей, городов, названий объектов, неологизмов?

Хишигдулам Н. Я уже сказала про повторяющиеся отрицания, но могу еще привести пример из практики коллеги, очень хорошего переводчика, который поделился со мной своим опытом. Он привел пример перевода ситуации в фильме. Молодежь обсуждает какой-то «бездник», молодые люди повторяют и повторяют это слово. И только уже закончив перевод, он понял, что это неологизм и речь шла о праздновании дня рождения. Сейчас в русском языке таких слов много, например, «лайкнуть». Еще, он рассказывал, что ему пришлось переводить стихи Лермонтова в сериале «Кадетство». В сериале есть момент, где один из героев читает стихотворение Лермонтова, перевода на монгольский язык этого отрывка не оказалось, и моему знакомому пришлось переводить стихотворение самому. И чтобы перевести на монгольский «Кадетство», он ходил в молодежные группы и просто слушал, как молодые люди общаются между собой. В результате был сделан очень качественный перевод. Спасибо за хорошие вопросы!

Попков Ю. В. Когда не сталкиваешься с деятельностью переводчика, кажется, что проблем-то тут и нет. Но Ваш доклад показал, как сложна работа переводчика. Позвольте выразить Вам искреннюю благодарность за Ваш труд переводчика и за сделанный Вами доклад. Вопрос у меня не о проблемах перевода. Скажите, пожалуйста, насколько в настоящее время популярны российские фильмы, и какие еще фильмы демонстрируются и переводятся на монголь-

ском телевиденье? Какую долю занимают российские фильмы на монгольских экранах в сравнении, например, с американскими, китайскими, корейскими фильмами? Можно ли здесь обозначить какие-то тенденции?

Хишигдулам Н. Я уже упомянула, что у нас 78 телевизионных каналов и 20–30 русскоязычных фильмов показывают в неделю. Это достаточно большой объем эфирного времени, но точно определить сколько это в процентах я сейчас затрудняюсь. Тем более, что цифры по годам будут различными. Монгольские фильмы в соответствии с принятым законом должны составлять не менее 40 % от общего количества. Опираясь на ощущения, могу сказать, что российские фильмы в разные годы составляют 20–30 %. Монголы любят современные российские сериалы, например, «Невский», «Паутина», «Шеф». Российские криминальные драмы, сериалы вызывают интерес у монгольского зрителя. Советские фильмы прочно вошли в менталитет монголов, крылатые выражения из советских фильмов стали частью монгольской культуры, например, тост из фильма «Кавказская пленница»: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желаний. Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями». Прошлые два года были популярны китайские фильмы. Они примерно составили 10 %. Очень много американских фильмов – 30 %. Популярными стали корейские сериалы.

Бегалинова К. К. Спасибо за доклад! Спасибо за такое великолепное владение русским языком! Спасибо за Ваш труд по популяризации русской культуры в Монголии. Вы заметили, что русский язык очень сложный и тяжело переводить даже, казалось бы, простые вещи, а как быть с идиоматическими выражениями, например, «Кузькина мать», «свалить дурака», «дышать на ладан», «Ёшкин кот»? Фильмы, о которых Вы говорили, наполнены такими выражениями. Всем известный пример с выражением «Кузькина мать», которое использовал Н. С. Хрущев на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 году. Переводчики сделали дословный перевод «мать Кузьмы» и все были озадачены, кто это такая влиятельная женщина, которую боится даже сам Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Как Вы преодолеваете эти семантические трудности, языковые структурные трудности, психологические? Вы частично об этом говорили, но я хотела бы знать о том, какие, может быть, существуют приемы перевода? Я сама сейчас испытываю большие трудности. Я сейчас читаю лекции преимущественно на казахском языке. Монгольский и казахский языки схожи, мы относимся к одной группе языков. И у меня большие трудности возникают, приходится свои тексты лекций, составленные на русском языке, переводить на казахский. Приходится использовать контекстуальный перевод, но такой перевод, не прямой перевод, ведет к значительным потерям. Как Вам удается это все преодолеть? Какие приемы используете?

Хишигдулам Н. С идиоматическими выражениями в переводе бывает много трудностей. Но у меня есть их базовое понимание. Я училась в русской школе. В советское время были такие школы. У нас все предметы были на русском

языке. В монгольском языке я могу найти аналоги таким русским выражениям, как «Бить баклуши», «точить лясы» и др., но всех идиом выучить невозможно. У нас есть словари идиоматических выражений, но в них не вся информация. Мне помогает в переводе еще то, что я преподаватель английского языка, существуют русско-английские словари идиоматических выражений. Это хорошее подспорье для перевода сложных случаев.

Приведу пример перевода идиомы с ошибкой, в программе новостей российского телеканала ОРТ в марте 2002 г. прозвучала новость о том, что «Россия отказывается от ножек Буша». Эта информация, переведенная монгольским телевидением, звучала так, как если бы Россия отвергла бедро самого Президента США. Термин «ножки Буша» означает «бедр а американских куриц». В России этот термин является распространенным, но телевизионные переводчики не позаботились уточнить перевод и телезрители канала «Монгольские новости» не получили достоверной информации. Такие некачественные переводы звучат как анекдоты.

Везнер С. И. Уважаемая Нанджидмаа Хишигдулам, спасибо за очень интересный доклад! Меня интересует жанровый вопрос. Выбор варианта перевода названия фильма зависит от жанра фильма? И следующий вопрос. Вы приводили в качестве примера тосты. Это универсальный жанр. Облегчает ли это перевод? И еще вопрос, а есть какое-либо жанровое своеобразие монгольских фильмов? Я с восхищением наблюдаю за Вашей работой, Вы как челнок между двумя культурами существуете, поэтому Вы это можете почувствовать лучше. Существует ли жанровое своеобразие монгольского кино, например, монгольского триллера, или все универсально?

Хишигдулам Н. В социалистическое время у нас был отдел перевода. В этом отделе люди имели специализацию, кто-то переводил только мелодрамы, кто-то боевики. Теперь такой узкой специализации у нас нет. Кто что хочет, тот то и переводит, невзирая на жанр, переводят все подряд. Поэтому и ошибок много, и какой-то причинности в выборе варианта перевода названия картины от ее жанра нам не увидеть. Должна быть специализация переводчиков.

Изгарская А. А. Вы отметили, что в советское время монгольское государство финансировало переводы фильмов и был создан специальный отдел. С переходом на рыночные основания такие затраты оказываются чрезмерными и отдел сократили. А какие источники финансирования существуют? Осуществляют ли поддержку своей кинопродукции зарубежные государства? Помогает ли, например, правительство Китая или китайский бизнес в продвижении своих фильмов на монгольском рынке? Или все пущено на самотек? Может быть есть какие-то благотворительные программы, которые поддерживают киноиндустрию в Монголии?

Хишигдулам Н. Не могу сказать точно, что финансируется, а что – нет. Но я могу сказать, что ежегодно мы отмечаем месяц русской культуры, в рамках этого мероприятия мы организовываем неделю русских фильмов.

Изгарская А. А. Спасибо, уважаемая госпожа Нанджидмаа Хишигдулам, за содержательный доклад! А мы, коллеги, переходим к нашему третьему докладу.

Позвольте мне предоставить слово канд. филос. наук, заместителю директора по общим вопросам Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета Сергею Ивановичу Филиппову. Он сделает доклад на тему «Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания».

Филиппов С. И. Добрый вечер, коллеги! Спасибо за предоставленную возможность выступить с докладом, рассказать о своем опыте работы! В предыдущем докладе шла речь об условиях успешности перевода и здесь, конечно же, для того, чтобы переводчик был успешен, а перевод адекватным, нужна языковая компетенция, лингвокультурная компетенция, страноведческая компетенция, но наверняка в сообществе переводчиков все знают, что несмотря на сформированную языковую компетенцию и глубокие знания лингвокультурного характера, тем не менее это все не гарантирует успех для последовательного переводчика, а тем более для синхрониста. Но и этого может не хватать. Даже специалист, всем этим обладающий, во время перевода может растеряться, может не успевать за спикером. Эта ситуация знакома многим профессионалам и она часто воспринимается так, как если не возникает какая-то обеспечивающая синхронность «химия» между спикером и переводчиком. Наряду с лингвистическими, страноведческими компетенциями имеет значение компетенция, которую я бы назвал «коммуникативной». Если мы посмотрим на работу переводчика-синхрониста, то увидим, что он в какой-то мере синхронно переводит не только речь спикера, но даже копирует его жесты, движения. Для чего переводчику-синхронисту такое совпадение со спикером? Даже когда синхронист делает перевод видеозаписи, он почему-то начинает как бы входить в резонанс со спикером. Наверное, многие из Вас видели, как работают последовательные переводчики, и тоже могли отмечать за ними странности в работе, что они могут быть почему-то достаточно эмоциональны. Приведу пример, который произошел примерно лет десять назад, когда я присутствовал при работе переводчика. Перевод был последовательный. Спикер – женщина, и переводчица. Работа проходила в аудитории, в которой находилось примерно полсотни человек. Спикер и переводчица сосредоточены друг на друге и не обращают внимания на зал. Повернувшись друг к другу они, казалось, вели разговор между собой, иногда бросая взгляды в зал. На первый взгляд их не интересовала реакция публики. Спикер и переводчица примерно одинаково жестикулировали, говорили с одной скоростью, примерно с одинаковой громкостью и интонацией. В моей практике также были случаи последовательного перевода. И я тоже замечал за собой такое поведение, когда ты начинаешь не только переводить сказанное, но и копировать жесты, интонацию спикера, не обращая внимания на аудиторию. Что за странные приемы работы переводчика? Что же происходит? Данное явление я бы отнес к интерактивным ритуалам.

В науке эта традиция довольно старая, исследования интерактивных ритуалов относится еще к работам Э. Дюркгейма, И. Гофмана, она же представлена в работе Р. Коллинза «Interaction Ritual Chains» [12]. Книга не переведена на русский язык. Несколько слов об этой книге. Каково же содержание теории интерактивных ритуалов?

Центральным понятием этой теории является понятие «эмоциональная энергия» (ЭЭ). Это переменная, включающая в себя весь спектр эмоциональных состояний. Высокий уровень ЭЭ – восхищение, эйфория, энтузиазм, воодушевление, восторг, радость, гнев. Низкий уровень ЭЭ – скука, депрессия, потеря мотивации, ощущение изолированности. Р. Коллинз утверждает, что все, что мы ищем, все, что необходимо обычному человеку, это не какие-то богатства, не какие-то материальные блага, а переживание эмоций высокого уровня ЭЭ. Р. Коллинз задается вопросом о том, как же возникает ЭЭ высокого уровня. Возникают они в ситуации взаимодействия, которая называется «интерактивный ритуал» (ИР). Это ситуация, в которой для членов группы поддерживается определенный, приемлемый для них уровень ЭЭ. Это не обязательно высокие энергии эйфории, восторга и радости, но они обеспечивают приемлемый уровень комфорта членам группы, обеспечивают каждому чувство собственного достоинства. Р. Коллинз различает успешные (strong rituals) и неуспешные (weak rituals) ИР. Успешные ИР обеспечивают приемлемый уровень ЭЭ, неуспешные (или слабые) – это ритуалы, которые энергию забирают, участники ритуалов покидают группу.

Р. Коллинз выделяет также условия успешных интерактивных ритуалов. Во-первых, физическое сопresутствие двух и более людей в одном месте, осознание и – я бы подчеркнул – физическое ощущение ими присутствия друг друга. Даже если в реальности присутствия нет, но есть лишь ощущение присутствия, то сильная эмоция возникает, например, эмоция страха. Во-вторых, условием успешного ИР является наличие четких (видимых, ощутимых) границ включенности в ИР (или исключенности из него). Для участников является очевидным, кто принимает участие в ритуале, а кто – нет. В-третьих, необходим общий для всех участников фокус внимания на какой-либо объект или деятельность/активность. Это может быть физический объект, некоторое действие, например, кричат, маршируют, задают и отвечают на вопросы, смеются и др. Все это порождает ощущение общности (солидарности), которое является основой относительно высокого уровня ЭЭ. Объяснения Р. Коллинза уходят корнями в эволюционную психологию, человек – это существо социальное, для него имеет важность ощущение принадлежности к какому-либо сообществу, обладание в нем каким-либо статусом, и это всегда связано с ЭЭ. Пример успешного ИР вы можете видеть в поведении выигравших матч футболистов, когда они становятся в круг и кладут руки друг другу на плечи. Они ощущают физическое присутствие друг друга, они сосредоточены на действии, они кричат, смеются, испытывают одну сильную эмоцию, связанную с победой. Этот ритуал притягателен для многих, но доступен только для тех, кто внес свой вклад в победу команды. Противоположная ситуация – поражение в матче может быть примером неуспешного ИР. Футболисты не обнимаются, они идут поодиночке, закрывают свои глаза ладонями, испытывают чувство стыда, неловкости и пытаются быстрее уйти с поля.

Еще одним важным условием интерактивного ритуала является наличие сакральных символов (sacred objects). Под сакральными символами мы, как

правило, понимаем, например, икону, для кого-то таким символом является Мона Лиза Леонардо да Винчи. В Лувре можно наблюдать большие толпы поклонников этой картины, чаще всего незнакомых друг с другом людей. Это все так, но не только. Существуют и повседневные, микро ИР, на уровне семьи, дружеских отношений. Для связанных чувством солидарности людей такие сакральные символы являются «эмоциональными консервами». Это предметы, люди, действия и т. п., значимые для участников интерактивного ритуала и символизирующие их общность. Если обратиться к советским фильмам, то они также могут играть роль сакрального символа. Покажи молодежи советскую комедию, они не поймут, где там смешно. Но люди, которые пересматривают ежегодно «Бриллиантовую руку», «Иронию судьбы, или С легким паром!», вспоминают, как, будучи детьми, они вечером с родителями или друзьями просматривали эти фильмы вместе, переживали очень хорошие эмоции, и как бы подключаются к ритуалу, заложенному в детстве. Для них эти фильмы играют роль сакрального символа. Как я уже сказал, в соответствии с Р. Коллинзом, люди стремятся участвовать в ситуациях, «производящих» относительно высокий уровень ЭЭ (успешные интерактивные ритуалы), и избегать ситуаций, в которых они испытывают скуку, ощущение одиночества, «ненужности» и т. д. (низкий уровень ЭЭ).

Какова же технология создания успешных ИР? Здесь Р. Коллинз тоже предлагает два типа ритуалов. Во-первых, ИР, которые возникают естественным образом, как бы сами собой. Во-вторых, искусственные ИР, которые создаются намеренно. Приемом создания успешного ритуала является повторение участниками взаимодействия (ИР) одних и тех же действий на вербальном (слова, очередность высказываний), паравербальном (интонация, громкость, темп речи), невербальном (жесты, мимика и т. п.) уровнях. Участники на разных уровнях взаимодействия повторяют одно и то же. Формируется фокус внимания, создаются границы доступа участвующих и конечно же ощущение общности, солидарности. Задача – создать желание у партнеров находиться в такой ситуации. Всем нам хорошо знакомые парады в честь советских праздников, когда участники идут большой организованной группой ритмично в ногу, являются такими успешными ИР.

Что еще следует подчеркнуть? ИР – микродинамика. Это поведенческие паттерны, которые поддерживаются участниками ритуала. Ритуалы не изменяются. Если же кто-то из участников изменяет ритуал, поведенческий паттерн, не быстро изменяет, а постепенно, например, начинает говорить немного быстрее или медленнее, громче или тише, то несмотря на наличие уже устоявшегося паттерна и сложившийся общий ритм, который участники ритуала неосознанно поддерживают, изменение ритуала будет принято и участники будут говорить быстрее или медленнее, громче или тише. Условия успешного взаимодействия сохраняются, и – не хочется использовать не совсем хорошее слово «манипуляция», но так оно и есть – посредством манипуляции происходит изменение паттерна коммуникации.

Вернемся к тому, с чего мы начали, с анализа взаимодействия спикера и переводчика. Мы пытались ответить на вопрос, почему они так странно себя ведут? Почему переводчик начинает воспроизводить поведенческие паттерны спикера? И в случае, если он не успевает за спикером, он, конечно же, может попросить говорить помедленнее, но может сам начать говорить медленнее и спикер, чтобы поддержать общность, начнет сбавлять темп. Таким образом, переводчик может создать более комфортные условия для работы. Эта старая техника, называется НЛП, ее суть – установить раппорт, «зеркалить». Теория интерактивных ритуалов дает объяснение, почему это работает. Однако это случай, когда существует взаимодействие спикера и переводчика. Но почему переводчик, который переводит видеозапись произнесения спикером речи и никак не может повлиять на спикера, все равно синхронизирует его жесты и движения? Что вы, уважаемые участники, думаете по этому поводу?

Ульяницкая Л. А. Может быть, чтобы настроиться на одну эмоциональную волну со спикером.

Филиппов С. И. Совершенно верно. Переводчик не может повлиять на спикера, все, что он может, так это подстроиться под него, поймать его ритм, чтобы почувствовать интуитивно, как дальше пойдет речь. Его задача – подстроившись, создать для себя приемлемые условия для работы.

Ну и в заключение я хочу предложить Вам задачку «Урсула и ее муж» из текста романа бразильского писателя Жоржа Амаду «Флора и два ее мужа». История следующая. Урсула очень любила субботние прогулки в парке Пратер, расположенном в Вене, в сопровождении своего любимого мужа. Проблема состояла в том, что муж Урсулы ходит гораздо быстрее, чем сама Урсула, и в процессе «совместных» прогулок любящий супруг «убегал» далеко вперед, а Урсула продолжала гулять в полном одиночестве, расстроенная и обиженная. Все эти «совместные прогулки» длились 25 лет, Урсула пыталась убедить мужа, что она не может так быстро ходить, как он, пыталась звать к его совести и давить на жалость, обижалась, но ничего не помогало.

Но однажды, познакомившись с основными положениями теории интерактивных ритуалов, Урсула нашла решение своей проблемы. С тех пор прогулки Урсулы с мужем снова стали приносить ей настоящее удовольствие. Вопрос: как Урсуле удалось «заставить» своего мужа ходить медленнее?

Попков Ю. В. Необходимо было начать разговор.

Филиппов С. И. Да, надо было установить контакт. Но что еще?

Изгарская А. А. Взять мужчину под руку и стараться идти с ним в ногу, он вынужденно сбросит темп и никуда не убежит.

Филиппов С. И. Совершенно верно, вначале она вступила с ним в разговор, взяла его под руку. Напрягая все свои силы, она вначале шла с мужем в ногу, формировался общий ритм, затем она постепенно сокращала свой шаг. И муж в процессе беседы, неосознанно поддерживая общность, желая сохранить благоприятную для него ситуацию, начинал идти медленнее. Таким образом Урсула создала ИР.

Могу добавить, что ИР достаточно просто создаются и могут помочь в общении с близкими, а также во взаимодействии со студенческой аудиторией.

Спасибо, коллеги, за внимание, буду рад ответить на ваши вопросы.

Попков Ю. В. Почему все, что Вы рассказали о переводчиках, Вы называете ритуалами? Тот видеоролик, который Вы показали, там нет никакого интерактивного ритуала, просто человек адаптируется к условиям взаимодействия и помогает себе таким образом. Почему это ритуал? Для меня это осталось непонятно.

Филиппов С. И. Юрий Владимирович, спасибо за вопрос. Я просто сошлюсь на классиков, на И. Гофмана и Р. Коллинза. Мне студенты такой же вопрос задают и говорят, вот в церкви – ритуал, а здесь где же ритуал? Ритуал – это действие, которое не имеет очевидной утилитарной направленности. Когда мы испытываем жажду и подходим к источнику воды – это не ритуал. Это действие, которое направлено на удовлетворение конкретной потребности – утоление жажды. Но когда мы сидим за столом, в отличной компании, когда на столе есть все, чтобы выпить и закусить, и у нас есть потребность поднять себе настроение, мы, прежде чем выпиваем бокал вина, что-то говорим торжественное или не очень торжественное, «чокаемся» и выпиваем. Это – ритуал. С точки зрения удовлетворения витальной потребности, поднять настроение при помощи алкогольного напитка, все эти действия имеют неутилитарное назначение.

Попков Ю. В. Но задача переводчика чисто утилитарная. Он создает условия, которые помогают ему решить конкретную задачу.

Филиппов С. И. Ритуал тоже помогает решить конкретную задачу, но его действия, а именно синхронизация поведения, неочевидны в своей пользе для решения задачи. Для решения задачи он должен только переводить. Он должен обладать в первую очередь языковыми компетенциями. Другие здесь уже второстепенные. Сошлюсь на принятый термин «этнокультурный ритуал». Ритуалы в нашей жизни очень тесно связаны с утилитарными действиями. Например, покупка шубки, которая менее теплая, чем пуховик, обусловлена тем, что она выполняет не только утилитарную функцию, но и решает задачу демонстрации статуса хозяйки.

Ушаков Д. В. Сергей Иванович, спасибо за доклад! Почему Вы не используете термин «эмпатия».

Филиппов С. И. Спасибо, Дмитрий Викторович. Термин «эмпатия» – сопереживание собеседнику, способность разделить с ним какие-то чувства. Эмпатия – одно из производных ИР, она может возникать между людьми в процессе ИР. Я использую другую терминологию, а именно «ощущение общности», «солидарность». Мне кажется, что понятие «эмпатия» уже, чем понятие «солидарность». Простой пример, эмпатия не применима для ситуации, порождающей у группы, например, чувство солидарного гнева по отношению к противнику.

Прошин В. А. Спасибо, Сергей Иванович за доклад! Очень интересная тема. Я бы хотел присоединиться к мнению Юрия Владимировича. Мы все занимаемся преподаванием, обучением и мы всегда говорим о приемах, о методах, о способах освоения. А вот ритуалы, они, как мне кажется, больше связаны

с манипулированием, с манипуляцией. Термин ритуал больше связан с изучением народов, менталитета, здесь проявляется интерес к ритуалам. Может быть, я неправ.

Филиппов С. И. Спасибо за замечание, Владимир Алексеевич. Действительно, под ритуалами традиционно понимаются какие-то торжественные мероприятия, связанные с каким-то культом. Но в социологии есть более широкое понятие ритуала, я опирался на конкретные работы современных социологов. Ритуал может быть приемом, техникой, манипуляцией для создания солидарности, воспитания.

Изгарская А. А. Спасибо, Сергей Иванович! Коллеги, мы работаем уже три часа, не вижу больше поднятых рук, всем спасибо за отличную работу. Сегодня подключилось 28 человек из разных городов России, Казахстана и Монголии. Мы заслушали и обсудили три доклада. Следующая наша встреча состоится в октябре.

Благодарности: авторы благодарят Н. Е. Лукьянова и Е. А. Гордейчик за запись и частичную обработку аудиозаписи вебинара.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Чехов А. П.** Из Сибири // Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. – М.: Правда, 1985. – С. 3–36.
2. **Везнер С. И.** Мотив «бедного Йорика» в «Повестях Белкина» // Молодая филология. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – С. 50–57.
3. **Везнер С. И.** Антитеррористический дискурс: специфика воспроизведения концептуального отношения «государство – общество» (на примере речевого жанра «антитеррористическая памятка») // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология): сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 26–29.
4. **Чехов А. П.** Н. М. Пржевальский // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. – М.: Наука, 1979. – С. 236–237.
5. **Воцинин В. П.** На Сибирском просторе: картины переселения. – СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1912. – 91 с.
6. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. – Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1986. – 573 с.
7. **Капустин Д. Т.** Азиатское путешествие Антона Чехова, 1890 год: в документах, письмах, фотографиях. – М.: Этерна, 2016. – 280 с.
8. **Болдбаатар Д.** Кино орчуулгын уран чадварын асуудал: Хэл бичгийн ухааны докторын зэрэг горилсон диссертаци. – Улаанбаатар: Боловсрол соёл шинжлэх ухааны яам, 2005. – 151 х.
9. **Мэргэн Х. О.** Сүүлийн үеийн кинонуудын орчуулгын тухай // Орчуулгын блог. Зөвхөн орчуулгын тухай. 26. 05. 2010. – URL: https://mongoliantranslation.blogspot.com/2010/05/blog-post_26.html# (үзсэн он сар өдөр: 12.02.2023).
10. **Шархүү А.** Орос хэлний үйл үгийн байдлыг орчуулах асуудал // Шинжлэх ухаан амьдрал. – 1970. – № 3. – Х. 41–44.
11. **Чойжил Д.** Орчуулагчийн жаргал, зовлон // «Өд» бархан, 2005.
12. **Collins R.** Interaction Ritual Chains. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2004. – 439 p.

REFERENCES

1. Chekhov A. P. From Siberia. *Chekhov A. P. Collected Works in Twelve Volumes*. Vol. 11. Moscow: Pravda Publishing House, 1985, pp. 3–36. (In Russian)
2. Vezner S. I. The Motif of “Poor Yorick” in “Belkin’s Tales”. *Young Philology*. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 1998, pp. 50–57. (In Russian)
3. Vezner S. I. Anti-Terrorist Discourse: the Specifics of Reproducing the Conceptual Relationship “State – Society” (using the Example of the Speech Genre «Anti-Terrorist Memo»). *State, Law, Society: Problems of Interaction (Political Science, Legal Sciences, History, Religious Studies, Sociology)*. *Collection of Articles of the IX International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2022, pp. 26–29. (In Russian)
4. Chekhov A. P. N. M. Przhevalsky. *Chekhov A.P. Complete collection of works and letters: In 30 volumes*. USSR Academy of Sciences. Institute of World Lit. named after A. M. Gorky. Moscow: Nauka Publ., 1974–1982. Vol. 16, Works. 1881–1902. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 236–237. (In Russian)
5. Voschinin V. P. *In the Siberian Expanse: Pictures of Resettlement*. St. Petersburg: Printing house of the “Our Century”, 1912, 91 p. (In Russian)
6. Goncharov I. A. *Frigate “Pallada”: Essays on the Journey in Two Volumes*. Saratov: Privolzhskoe book publishing house, 1986, 573 p. (In Russian)
7. Kapustin D. T. *Anton Chekhov’s Asian journey, 1890. Documents, Letters, Photographs*. Moscow: Eterna Publ., 2016, 280 p. (In Russian)
8. Boldbaatar D. *The Issue of Artistry in Film Translation: Dissertation for the Degree of Doctor of Linguistics (PhD)*. Ulaanbaatar: Ministry of Education, Culture and Science, 2005, 151 p. (In Mongolian)
9. Mergen H. O. About the Translation of Recent Films. *Translation blog. Only about translation*, 26.05.2010. URL: https://mongoliantranslation.blogspot.com/2010/05/blog-post_26.html# (accessed 12.02.2023). (In Mongolian)
10. Sarkhu A. The Problem of Translating Russian Verb Tenses. *Science and Life*, 1970, no. 3, pp. 41–44. (In Mongolian)
11. Chojijil D. *Happiness and suffering of translator*. Ulaanbaatar: «Feather» newspaper, 2005. (In Mongolian)
12. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004, 439 p.

Информация об авторах

С. И. Везнер, кандидат филологических наук, Новосибирский технологический колледж питания, veznersergey@mail.ru, Новосибирск, Россия

Н. Хишигдулам, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования, Khishigdulam@msue.edu.mn, Улан-Батор, Монголия

С. И. Филиппов, кандидат философских наук, Новосибирский государственный университет, filippow07@yandex.ru, Новосибирск, Россия

К. К. Бегалинова, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, kalima910@mail.ru, Алматы, Казахстан

А. А. Овчинников, учитель истории высшей категории, СОШ № 148 Купинского района, kraeved.ru@mail.ru, г. Купино, Новосибирская область, Россия

Ю. В. Попков, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), uyurpopkov54@mail.ru, Новосибирск, Россия

В. А. Прошин, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, proshin-va54@yandex.ru, Новосибирск, Россия

Л. А. Ульяницкая, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), ulianitckaia_liubov@mail.ru, Санкт-Петербург, Россия

Д. В. Ушаков, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), ushakovdmiriii@mail.ru, Новосибирск, Россия

Р. Ю. Царёв, кандидат философских наук, доцент, Курганский государственный университет, romanogomani@mail.ru, Курган, Россия

А. А. Изгарская, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный педагогический университет, aizgarskaya@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the authors

S. I. Vezner, Candidate of Philological Sciences, Novosibirsk Technological College of Nutrition, veznersergey@mail.ru, Novosibirsk, Russia

N. Khishigdulam, Senior Lecturer, Department of English and German Languages, Mongolian State University of Education, Khishigdulam@msue.edu.mn, Ulaanbaatar, Mongolia

S. I. Filippov, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director for General Affairs, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, filippow07@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

K. K. Begalinova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Professor of Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University, kalima910@mail.ru, Almaty, Kazakhstan

A. A. Ovchinnikov, history teacher of the highest qualification category, kraeved.ru@mail.ru, Kupino, Novosibirsk Region, Russia

V. A. Proshin, Candidate of History Sciences, Docent of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, proshin-va54@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Y. V. Popkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, yuripopkov54@mail.ru, Novosibirsk, Russia

L. A. Ulyanitskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University (LETI), ulianitckaia_liubov@mail.ru, Saint Petersburg, Russia

D. V. Ushakov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ushakovdmiriii@mail.ru, Novosibirsk, Russia

R. Yu. Tsarev, Candidate of Philosophical Sciences, Kurgan State University, romanoromani@mail.ru, Kurgan, Russia

A. A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, aizgarskaya@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 28.02.2024

The article was submitted 28.02.2024

Одобрена после рецензирования 16.03.2024

Approved after reviewing 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Accepted for publication 25.03.2024